

десятилетий, но и о религиозной их подоплеке. Религиозный индифферентизм стал нормой.

«Фламенка» была ответом на религиозный разброд умов. «Церковная» сторона ее сюжета – не только отражение сложившегося в этой сфере порядка вещей, но и живая реакция как на антихристианский безобразный фанатизм катаров, так и на «земную» политику католиков. Отношения героев с церковью начинаются в романе с раздражения Арчимбаута на помехи, чинимые его желанию: сперва надо ждать воскресной службы, за которой должно произойти венчание, а затем конца самого обряда, слишком, по его мнению, затянутого (ст. 181 и 296 – 297). Этим как бы случайно оброненным замечанием задается тональность, в которой будет выдержана в дальнейшем вся «церковная» тема «Фламенки». На торжестве в Бурбоне дамы возмущены тем, что вечерня прерывает турнирные ристания (ст. 922 – 926). По приметам, восходящим к язычеству, ожидая на майские календы успеха в любовном предприятии, Гильем рассчитывает «сверх того» и на помощь апостолов, чтимых в этот день (ст. 2794 – 2796).

Но мере развития сюжета кощунственная линия становится все заметнее, кощунства все тяжелее: от обета не есть груш (ст. 2978 – 2982) до сравнения любовного наслаждения с небесной манной (ст. 6093 – 6096). Если в начале романа автор останавливает внимание читателя на беках, съеденных героиней в постный день (ст. 464 – 465; см. прим. 24), то об абсенте, который выпивают Гильем и его домохозяин прямо перед мессой, упоминается между прочим (ст. 3078 – 3079). Приурочение встреч Гильема и Фламенки в церкви к воскресным и праздничным службам тонко обыгрывается автором все в том же кощунственном плане: реплика Гильема «Лечить» приходится на день святого Варнавы, почитаемого и в качестве целителя, исцелявшего прикладыванием Евангелия к голове и груди больного (Гильом, переодетый служкой, подает для поцелуя псалтырь Фламенке, томимой любовным недугом); реплика «По мне», которой Фламенка дает окончательное согласие на тайное свидание, падает па праздник святого Петра-в-веригах, когда церковь почитает цепи, упавшие с рук апостола Петра в темнице, откуда его вывел ангел; начало же диалога приурочено, выходя за пределы литургических ассоциаций, ко времени, следующему сразу за весенним праздником первого майского дня, с его известной языческой символикой<sup>257</sup>.

Почти сразу с возникновением религиозной темы, за размытыми очертаниями соблюдаемых формально или прямо нарушаемых христианских заповедей и привил, в романе возникает картина, по ходу повествования становящаяся все более отчетливой и выступающая на передний план. Только однажды и мимоходом упоминается дева Мария, четыре раза Христос, но всегда в разговорной форме «клянусь Христом» (*per Crist* – в переводе эти вводные слова иногда опущены), несколько раз апостолы и другие святые, но только в кощунственном контексте – призываемые для клятвы или как покровители рыцарей и влюбленных. Зато славословие, обращенное в Евангелии к богородице, хозяйка гостиницы произносит о матери Гильема (ст. 1920 – 1921), а евангельские слова о неведающих и потому не имеющих греха, оказываются отнесенными к согрешающим против Амора (ст. 5588 – 5590). Точно так же христианская проповедь о ничтожности земных ценностей перед царством небесным заменяется на куртуазную – о ничтожности их перед любовью (ст. 3324 – 3330). За то, что дама не сразу поверила своему другу, ей надлежит каяться перед Амором (ст. 4540 – 4542). Амору начинают молиться, как Богу, а даме поклоняться, как деве Марии.

Направь он к милосердью бога,  
А не к Амору мысль свою,  
Иль к даме быть ему в раю.

(Ст. 4366 – 4368.)

О Гильеме, прошедшем обряд пострижения, говорится с насмешкой: «Служенье господу взамен служенья даме» (ст. 3818 – 3819). Обращения к богу преследуют, как правило, одну цель: добиться от него помощи Амору (ср., напр., ст. 5056 – 5070).

Не следует, однако, как поступают некоторые интерпретаторы, искать за этим что-то специфически вольтерьянское: помимо конкретной исторической ситуации, диктовавшей подобного ро-

<sup>257</sup> Примеры указаны: *Lejeune R. Op. cit.*